

Красная охота*

Пора охоты... гулкая работа –
и дни в крови, и сумерки в бреду...
Напасть на след, чтобы распять кого-то
охотники по Осени идут...
Пора охоты – торжество процесса:
взведён курок – осталось лишь нажать,
чтоб взмыла ввысь и пронеслась над лесом
душа, а плоть – останется лежать.
Пора охоты – проливанье крови
посредством пуль, картечи, дробы и
послушных псов...
но Ты, нахмутив брови,
провозвестил убогим: не убий!
Октябрьский грешник целовал в припадке
цевьё ружья – в оленя попаду!
Олений дух ещё витал в распадке,
а уж костёр потрескивал в аду.
Но что им ад?
От водки безумея
лишь красный цвет боготворят они...
Молись, мой брат, за тех, кто не умеет,
за тех, кто жив: спаси и сохрани...

1987 г. * ж\д станция между Петушками и Владимиром

Воспоминание о будущем

Весь наш приход сойдётся на помин
к распахнутому солнцу зиккурату.
Сладкоголос кастрат: его «аминь» -
торжественно, светло и троекратно!
А самый аккуратный из жрецов
воскурит благовония в горшочках –
вот так всегда выносят мертвецов:
чтоб даже в зной румянец был на щёчках...

Иштарта не обидится на них,
тем более, что много фимиама.
На жертвенный алтарь ведут слоних,
а не слонов, дабы избежать срама.
Пусть враг мой торжествует и блеснит,
покрыто тайной тихое злодейство.
Придёт потоп, камыш прошелестит,
и смочит в море всё его семейство...
Но где же ты?.. тебя узрел в толпе я –
твои глаза слезятся, но не ветер
тому виной: на узенькой тропе
мы встретились на том и этом свете.
А где наш сын, голубоглазый Зар?
Остался ли за глиняной стеною?
Играет ли с друзьями в быстрый шар?
Как хорошо, что нет его со мною...
А мой слуга, мой верный раб – лежит!
Он сделался красивее и строже.
Блажит кастрат и старший жрец блажит:
нас опускают в глиняное ложе.

(перевод с шумерского 1987 г.)

Письмо декабриста

Здесь крутая зима, здесь всё намертво схвачено проледью,
здесь слепая луна безболезненно заживо спит,
здесь пластинку иглой бесполезно царапать и пробовать:
чист ли голос любви, иль проходит проверку на СПИД?
Хочешь знать - так закройся в холодной читальне!
Хочешь быть - нарисуй себе сказку и будь!
Здесь расстрелы редки, но аресты ночные повальны
и в термометрах выпита ртуть.
Я до смерти люблю эти страсти-мордасти тунгусские:
среди нетающих льдов вырастают такие цветы!
И метели метут, и сугробы родятся, и узкие
выбирают врата дети русской зимы: я и ты.

Я и старый люблю хэппи-энды за то и за это,
я и пьяный найду свой последний обугленный дом -
здесь такая зима, что в Австралии жаркое лето.
Только ты у меня, только ты, и спасибо на том.

К прощеному воскресению

Кому-то
пелось и мечталось,
кому-то плакалось во зле,
 а мне - смертельная усталость
 последним выходом казалась
из всех исходов на Земле.
Сковала боль мои суставы,
 мне пустота язык сковала,
 а в голове неслись составы,
 и тишины не доставало.
И в этом грохоте и лязге,
 напряге будничной возни
 хотелось праздника и сказки,
 любви хотелось, черт возьми!
А для начала – выпить чая,
 сомкнув в ладонях даль и близь,
 и никого не замечая
 вечерней улицей пройтись...
Я оживал,
 я – жив,
 и будет
продолжен бег – безумный гон,
и скорбен путь, и выбор скуден,
но жизнь поставлена на кон!
Что мне законы тяготенья,
когда я счастье не сберёт?
Прощён ли буду в воскресенье?
Молчи февраль!
Пусть судит Бог!
Молиться начал и не мог...

Каботажные плавания

Слёзы лил сентябрь, братишка хмурый.

Репродуктор пригрозил потопом:

"Переходим к водным процедурам!"

Я из дома в улицы потопал...

И поплыл по лужам в ад крошечный

пропитых провинций омут бражный -

что мне отрешённый лик надежды,

если не избавиться от жажды?

Кто не ведал племени и рода

на галеры был на цепь посажен,

и мечту: уйти в большие воды

затаил в напряге каботажа.

Затаил, чтоб вырваться из плена,

пересечь пространство мировое

морем, если море - по колено,

небом, если небо - голубое.

Час мой пробил; в сумерках туманных

я из сонной гавани отчалил -

пёсий глаз береговой охраны

на меня прожекторы направил.

И сирены взвыли, что есть мочи,

в такт "тревожной группе" надрываясь -

я уже за пазухой у ночи,

я в канву мелодии вплетаюсь.

Пульс погони бьётся истерично,

но следов не сыщешь в море мгlistом.

Извини, дежурный пограничник!

Разминулись, граждане-чекисты!

Реквием художнику

по всем канонам звукоряда
любви
неволи
и тоски
ты мог бы сыпать листопадом
срывать бессмертья лепестки
свершая дерзкие набеги
судьбу мог запеленговать
но вот метель
и белы снега
тебе сподобили кровать
и ничего...
во тьме и страхе
застыла сонна акварель
где мы рождественския птахи
почили в белыя постель
нам предстоят ещё разлуки
и будет мужествен пейзаж
в твоём ковчеге есть гуашь
бумага кисточки и руки
над всей палитрой звукоряда
враждой тепла и холодов
зима
как долгая награда
как бы возмездье за любовь